Перечитали статью, которую написали пятнадцать лет назад, и решили не менять в ней ни одного слова. Время жестко скорректировало идеализм слов, но это, разумеется, не относится к идеализму по существу, то есть, к такому идеализму, который означает наличие идеалов. Тут время бессильно. В этом смысле, никогда не потускнеет для нас духовный облик нашего учителя — Матвея Григорьевича Дубровина, навсегда останутся высокими и светлыми годы тютовского детства и юности.

Лев Додин, Вениамин Фильштинский. 1989

«ГЛАВНОЕ ЧАЩЕ ВСЕГО HEBECOMO»

«Уважение к человеку! Уважение к человеку! Если уважение к человеку заложено в сердцах людей, они в конце придут той концов созданию К социальной, политической или экономической системы, которая это уважение непреложным сделает законом».

(А. Сент-Экзюпери).

Дереву не нужно осознавать, из какого оно выросло семечка. Растет себе и растет. То, что семя было хорошее, почва плодородная, время, когда росток пробился к свету, было теплое и благодатное, всего этого дерево не знает. А может быть и «знает», но считает это по простоте душевной законной удачей, законной привилегией или закономерным счастьем...

И человек склонен иногда не думать о своем человеческом родстве. Живет себе и живет. Стал таким, а не таким — «божья воля!» Или «Да я такой и был», «Всем хорошим я обязан себе». Или «Его величество случай». Но бывают обстоятельства, толкающие осознать, подытожить, задуматься. Остро осознать свое происхождение, остро почувствовать предыдущее звено цепочки.

Осознать главное...

Умер М.Г. Дубровин, - основатель и художественный руководитель ТЮТа — Театра Юношеского Творчества Дворца Пионеров им. Жданова, заслуженный работник культуры РСФСР.

Умер Матвей Григорьевич. И сейчас, год спустя, эти слова с трудом выходят из-под пера, кажутся противоестественными для сотен его учеников и воспитанников. Стали они вдруг собираться чаще, собираться вместе... Собираются во Дворце пионеров, приходят в гости друг к другу. Налаживают связь. Сходятся иногда совсем разные люди, не видевшие друг друга по 10 – 15 лет, или совсем ранее не встречавшиеся. Разные «поколения» - одним по 20, другим по 30, третьим за 40. На первый взгляд это люди совсем разные. Да и немудрено: одна студентка, другой – заместитель генерального директора крупной фирмы, третий – рабочий, четвертый – доцент Политехнического института, пятый – врач. Разные они и все-таки в чем-то очень похожие... Ищут друг друга, собираются, устроили уже нечто вроде постоянного клуба. Собираются – и есть у них желание отдать себе отчет, что же такое было их детство, что такое было их юность, что такое был для них учитель Матвей Григорьевич Дубровин, что такое был и что такое он для них есть. Что тут главное?

... Со страниц десятков фотоальбомов смотрят лица. Это наши лица. Это наши лица давней поры. Это мы в детстве, в юности. Некоторые из фотографий — это сцены из спектаклей, снимки репетиций. Но их немного. У других фотографий (таких сотни) самые разные сюжеты.

Молодой человек с рубанком в руках, улыбается.

Столярная мастерская. Парень склонился над радиосхемой – в руках паяльник. Увлечен.

Девушка в лодке. С наслаждением гребет.

Перепачканная в земле девчонка. Оторвавшись на секунду от прополки, лукаво взглянула в объектив.

Парень на лошади. Смеется.

Те же лица в застолье. Хохочут.

Группа ребят окружила рояль. Смех. Вечер отдыха. Общее веселье. И т.д. и т.п. Улыбки, радость, вдохновенная сосредоточенность, горящие глаза в споре и т.д.

Интерьеры.

Набережные Фонтанки.

Нева.

Совхоз «Скреблово» под Лугой.

Мюллюпельто.

Москва.

Коробицино под Приозерском.

Репетиции. Работа в столярке. Прополка на совхозном поле. Диспут. День рождения. Учебная комната. Всего не перечислить. И лишь на редких фотографиях — невысокий обыкновенной наружности человек. (Сперва он средних лет, потом старше, потом пожилой). Сидит где-нибудь в сторонке. Вовсе не в окружении висящих на нем учеников, как это принято в традиционных фотографиях на тему: учитель и ученики. Сидит в сторонке далеко от объектива. «На крупном плане» его ищи не ищи — не найдешь. Почему же? Может, он не любил фотографироваться? Может, сами фотографии, так сказать, нехарактерны? Нет, в том то и дело, что характерны.

Тютовское самоуправление, о котором так много писали в научно – педагогической литературе было не рекламой, а удивительным фактом. Удивительным созданием невысокого человека, который дал такой заряд юношескому коллективу, что тот смог кипеть, бурлить, разбрасывать энергию, «самоуправляясь», самолично совершенствуя свои собственные «тютовские» законы, создавая свою этику, свои нравственную атмосферу.

Шли тютовские годы. ТЮТ рос. В нем стало уже 150 человек. 150 двеннадцати, тринадцати, четырнадцати — и т.д. вплоть до двадцатилетних. 150 душ — Творческие учебные группы. Репетиционные группы.

А также цеха: монтировочный, осветительский, бутафорский, гримерный, костюмерный, радио, и т.д.

А также редколлегия газеты и журнала...

А также группа школьной помощи.

А также тютовский клуб театральных встреч.

Агитбригада.

Комитет выставки.

Режиссерско-организаторское управление.

Совет и т.д. и т.д.

Каждый день днем и вечером.

Осенью, зимой, весной и летом (летом Мюллюпельто, Скреблово, Приозерск, Торошковичи, Татьяничево, Коробицино, Зеркальное...)

Спектакли, выставки, гастроли (Гастроли – Лодейное Поле, Тихвин, Москва, Таллинн, Минск).

Встречи, выставки, дискуссии, вечера.

«Ну, знаете ли» - скажут (и говорили!).

«Какое там самоуправление. Тут педагогу надо вкалывать и вкалывать. Конечно, нужна игра – в самоуправление, в отряды. Но ведь это форма».

Нет – ответим - не форма. Суть.

Шли годы. И невысокий человек все больше походил не на автора дела, а на чуткого, виртуозного настройщика. Конечно, он был в курсе всех дел. Конечно, он беседовал с ребятами, и замечательно беседовал! Конечно, вмешивался в решающие для жизни коллектива моменты.

Но потом надолго уходил в свое педагогическое «Подполье». Смотрел, молчал, наблюдал, доверял, сознательно допускал наши ошибки, знал — потом сами поправим. На многие дела и собрания сознательно не приходил. На просьбу сказать свое мнение по поводу того или иного общественного решения отшучивался: «Понятия не имею», «в первый раз слышу», «а я-то при чем».

Вот один из множества обычных, но, тем не менее удивительных эпизодов. Идет Совет. Совет большого коллектива. Остро обсуждаются очередные и принципиальные вопросы. Сталкиваются мнения. Назревают конфликты. Коса находит на камень. Точки зрения спорящих казалось бы непримиримо противоположны. Кое-кто (из самых либеральных и добрых) с вопросом и надеждой поглядывает в сторону этого невысокого спокойного человека, который не спеша ходит за стульями. Он должен разрешить спор. Вот теперь-то он должен обязательно вмешаться, иначе не договоримся. Он должен сказать истину и т.д. и т.д. Невысокий человек молчит...

Совет бурлит еще некоторое время, а потом все же находит устраивающее всех и по-своему мудрое решение вопроса.

Это удивительное педагогическое «неприсутствие», а на самом деле полное нравственное влияние на жизнь коллектива, руководство не поступками, но душами ребят.

Может быть, это и было главное?..

Мы, пишущие эти строки, тоже из ТЮТа . Теперь мы профессиональные работники искусства, театра. Конечно, ТЮТ – это организация педагогическая.

Цель ее давно и упрямо сформулирована как «воспитание гармонической личности с коммунистическими навыками труда и поведения». Но все же «Театр Юношеского Творчества» - театр. И поэтому среди воспитанников ТЮТа много нас, нынешних

профессионалов театра: актеров, чтецов, режиссеров, театральных художников, театроведов, театральных педагогов.

Почему ТЮТ склонил нас в конце концов к искусству – ясно. Мы полюбили театр как целое. Мы видели в театре модель наилучшей человеческой ячейки вообще и не представляли, что можно избрать для жизни лучшее место, чем театр. И все же хочется ответить себе и на конкретный вопрос: чем же нас вооружило наше тютовское прошлое в отношении нашей профессии? Может быть, власть Матвея Григорьевича над нами была ВЛАСТЬ РЕЖИССЕРА?

... Входит в репетиционную комнату невысокий человек. Входит как-то особенно свободно - весело, раскованно. Входит на репетицию без видимой сегодняшней цели, входит просто для общения, для человеческого общения. (Тут известные слова Экзюпери про роскошь человеческого общения не кажутся ни на йоту преувеличенными). Невысокий человек с вбирающими глазами – пристальными, но без тени претензии к человеку, без тени какого-то волевого нажима или подозрительности (для руководителей многих представляется «проницательность» просто необходимой. подчиненные или ученики понимали, дескать, что начальник или педагог все видит на сквозь, все знает). Глаза Матвея Григорьевича были пристально – добрые. Если и смотрел он проницательно, то эта была проницательность, обращенная ко всему лучшему в человеке, оставлявшая плохое, сомнительное как бы в стороне.

Нам часто казалось, что он ошибается, что порой слепнет, не видя казалось бы слишком внятные «отрицательные» проявления того или иного характера. Да, он эти проявления как бы не видел. А скорей всего до поры до времени не хотел видеть. А ведь есть педагоги, которые гордятся своим умением ставить диагнозы пороков недостатки. Вот и проблема, как растить человека - безжалостно искореняя в нем недостатки или беззаветно выращивая в нем хорошее? Матвей Григорьевич шел вторым путем. И происходили чудеса. Недостатки отрицательные проявления уходили, неназванные и «невскрытые» они, казалось, просто растворялись в том новом и добром, что ВЫЗЫВАЛ В ЧЕЛОВЕКЕ К ЖИЗНИ Матвей Григорьевич.

...Входит Матвей Григорьевич в репетиционный класс. Но это еще не означает, что сейчас начнется репетиция. Или она может начаться, а потом «съехать» на что-то другое. На другое:

на братьев Адельгейм,

на мхатовские довоенные гастроли в Ленинграде, на пластику Мэй-Лан-Фаня,

на то, как Ленин спас в 1919 году Большой театр...

Но еще чаще захватывающие рассказы Матвея Григорьевича совсем не имели отношения к театру. Он рассказывал про Памир, про наркомов 30-х годов, про заболевания сердца, про ленинградских новаторов, про голод в Поволжье в 20-е годы. Однажды рассказал про то, как делают матрасы, и оказалось, что матрас вещь не только нужная, но и чрезвычайно интересная.

Он был удивительный мастер беседы. МЫ слушали его жадно, с наслаждением, запечатлевая каждое его слово на годы и годы. Это были не просто забавные истории. В конце концов, красноречие режиссера не такая уж редкая вещь. Но это были истории, рассказы, легенды, из которых каждый раз сам собой непреложно делался внутри нас важный нравственный вывод. Это были именно легенды. Даже когда Матвей Григорьевич рассказывал про то, что видел своими глазами, это не было документально. «документально». OH не умел Факт, подсознательно режиссировался им, поэтизировался. Ни на секунду не превращаясь в довод морализирования, событие в устах Матвея Григорьевича становилось духовно окрашенным. Духовным становился любой факт, даже смешной. И рассказ про прозаические матрасы, как это ни странно, тоже оказывался, в конце концов, своеобразной легендой, гимном труду, рабочему творчеству, вызывал зависть и уважение к рабочим рукам.

Уже взрослыми мы прочитали о сказках, которые сочинял сам и учил сочинять детей В.А. Сухомлинский, и мы уловили, что два незнакомых друг с другом мастера шли похожими путями.

Василий Александрович Сухомлинский воспитывал сказкой. Матвей Григорьевич Дубровин воспитывал своего рода легендой. Матвей Григорьевич не читал Сухомлинского, потому что Сухомлинский тогда еще не был издан. Они работали параллельно. Жаль, что они не встретились. Нам теперь представляется, что хотя по формам жизни коллектива (самоуправление, самообслуживание), т.е. по социальному аспекту воспитания, ТЮТ был ближе к коллективам А.С. Макаренко (не случайно в главной комнате ТЮТа рядом с портретом Станиславского до сих пор висит портрет и Макаренко), педагогическая практика Дубровина больше напоминает приемы Сухомлинского.

Про ТЮТ много написано. Про принципы ТЮТа, про педагогический метод Дубровина... И сам Матвей Григорьевич

неоднократно делал доклады в Институте Художественного воспитания АПН в Москве и в других городах – в Киеве, Полтаве, Минске и т.д. (Там, где по примеру Ленинградского образовались свои ТЮТы, и где собирались организовать, известно только про тютовское самоуправление, И про трудовое воспитание, И про тютовские «коммунистические навыки»).

Наверное, сейчас многое даже уже и не ново. А тогда, в пятидесятых годах, эти тютовские тезисы: «самоуправление», «трудовое самообслуживание» звучали чуть ли не вызовом. (Кстати, тогда еще не было и трудовых летних лагерей – Дубровин «рисковал» и в этом отношении ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ).

Наверное, теперь уже многое стало нормой, обычным, повсеместным. Но важнейшие тонкости в педагогике М.Г. Дубровина, как нам кажется, еще ждут своего анализа и описания.

И, может быть, специалисты — педагоги обратят внимание на «Сказку о матрасе». На сказку, которая, как всякая хорошая сказка, была подлиннее действительности. У нас было много таких сказок, мы полюбили их и пытались сочинять сами.

А, может быть, ГЛАВНОЕ и состояло в том, что Матвей Григорьевич СОХРАНИЛ СКАЗКИ в себе, взрослом. И в нас. Взрослеющих. Может быть в этом?

Как всякий сказочник он был не практичен. Иногда, уже взрослыми, мы сердились на его непрактичность, на его неумение или нежелание добиваться чего-либо вовне.

Например, вопрос с помещением. Это извечный многолетний тютовский вопрос: огромному коллективу необходимо было получить свое театральное помещение. Неоднократно ТЮТ был близок к этому. По решению соответствующих вышестоящих организаций мы несколько раз уже чуть было не въезжали в прекрасные ленинградские театральные залы, но каждый раз в последнюю минуту, нам «перебивали дорогу» организации более «фирменные», более солидные, или чаще всего (увы!) более доходные.

Матвей Григорьевич поднимал, конечно, этот вопрос, но нам казалось, что недостаточно остро, зло, активно. Уже давно — считали мы (и надо сказать не без основания) пора стукнуть кулаком по столу. Матвей Григорьевич не стучал. Почему-то жалел отдавать столько много энергии на «стук»...

И мы сами казались себе порой слишком мягкими, непрактичными. Даже кто-то начинал жаловаться на свою

неподготовленность к жизни. На неумение сосредоточится на конкретных жизненных планах, и бороться за это не на жизнь, а на смерть. Но проходило время, сложности упрощались, то, что вчера казалось решающим, сегодня становилось не таким уж важным, и обнаруживалось, что Человек сохранил в себе главное — себя. И значит оказался предельно стойким.

В свое время мы, пишущие эти строки, поступили в театральный институт, отчего естественно сильно завоображали. И вот через некоторое время, год примерно спустя, встречаем на Невском Матвея Григорьевича. С теплотой и лаской, конечно, встретились. Но помним и оттенок в своем тогдашнем глупом от молодости ощущении. Мы подумали «Какой-то он стал совсем маленький. Конечно, сидит все-таки в замкнутом ТЮТе. Совсем далеко от «настоящего, профессионального искусства»». И как бы, желая найти подтверждение своей правоте, один из нас спросил: «Матвей Григорьевич, а как с помещением?» Мы ждали, что он разведет руками, но он сказал спокойно:

«Есть решение Совета Министров. Будут строить специальный большой театральный комплекс, стоимостью в несколько миллионов рублей. Уже делают проект».

Горькой справедливости ради надо признать, что хотя проект давно готов и утвержден, и сделан красивый — под стеклом — архитектурный макет театра, строительство не началось и сейчас, когда нет уже в живых Матвея Григорьевича, и бог знает, когда оно начнется.

Однако, мы хотели поискать разгадку властного обаяния М.Г. Дубровина в его репетиционной практике, а сами все время съезжаем на «чистую педагогику».

Но, может быть, и на самом деле репетиции не имеет к сути дела никакого отношения. Не это вроде бы и главное было. И все же...

Да, конечно, главным было, как определили ученые – педагоги, знаменитое тютовское воспитание. Главным было вдохновляемое радостное существование Матвеем Григорьевичем ТЮТОВСКОГО коллектива. Главным было наше общение, наше чувство большой семьи, наше детское (и юношеское потом) счастье, самозабвение в дружбе, наши золотые дни. И действительно всегда и везде Матвей Григорьевич говорил, а мы вслед за ним повторяли не без гордости: «Не профессиональными актерами, профессионального театра, мы хотим быть в ТЮТе.» И себя Матвей Григорьевич никогда режиссером не называл. Хотя уже в дотютовский период за его плечами были интересные работы в Экспериментальном театре детской оперы, и организация театра в городе Хороге в Таджикистане, куда он попал во время войны после ранения на Невском пятачке, постановка известного в свое время спектакля «Золотой кишлак» по произведению Миршакара. Наверное, он не называл себя режиссером не потому, что умалял свое профессиональное образование и умение. Он чувствовал, что не одна, а разные профессии сплелись в его судьбе: режиссер, педагог, и еще нечто такое, что трудно поддается точному определению. Помнится, однажды во время болезни Матвея Григорьевича мы сидели у него дома на Васильевском. Несмотря на свою болезнь, он много говорил, рассказывал нам что-то, мы слушали, смеялись, потом снова напряженно затихали. В это время пришел врач. Прослушав Матвея Григорьевича, стал писать бюллютень.

- Место работы?
- ТЮТ Дворца пионеров
- Должность?

Матвей Григорьевич на секунду замешкался.

- Ну, кто вы? Директор? Заведующий? Руководитель, главный режиссер? Воспитатель?

И тогда Матвей Григорьевич сказал полушутя.

- Сам не знаю.

Врач посмотрел на него недоуменно, а мы рассмеялись.

В общем, Матвей Григорьевич режиссером не называл себя. Правда, в тютовских афишах было «Постановка М.Г. Дубровина. Художественный руководитель М.Г. Дубровин», но это, пожалуй, просто традиционная форма афиш.

Да, для Матвея Григорьевича режиссура не была основным направлением работы. Он был в основном вроде бы и не режиссером... «А был ли ТЮТ театром?» - спросят иные. Уверены, что многие из людей, любящих и уважающих ТЮТ, ответят, что нет. Конечно, ТЮТ – прекрасная организация, но говорить о нем как о театре вряд ли возможно. Были, конечно, приличные спектакли, но ведь их за многие годы было не так уж много. Во всяком случае запоминающиеся. «Двадцать лет спустя», «Снежная королева», «Ее друзья», вот, пожалуй, и все.

Надо признать, что тютовские ребята не были заправскими артистами. Про них нельзя было сказать «одержимые артисты», люди, которые живут и дышат только ролями, сценическими этюдами, которые днюют и ночуют в театрах, упорно учатся на работе у известных мастеров и т.д. Нет, не «одержимые артисты». «Одержимые

тютовцы» - да. Но «тютовцы» довольно своеобразное понятие. Тютовец значит и артист, и бутафор, и монтировщик, и член Совета, и «помогальщик» отстающим в школе по какому-нибудь из предметов, и член «школьного театрального клуба» и т.д. Тютовец — человек, который тратит все свое время не на роли, а на ТЮТ, если, хотите, на тютовскую дружбу.

Вот и складывается: Матвей Григорьевич Дубровин не вполне режиссер, ТЮТ не вполне театр, тютовцы не вполне артисты.

Но почему же тогда многие ученики Матвея Григорьевича всетаки состоялись как артисты, режиссеры, драматурги, театральные художники? Потому что М. Г. Дубровин был режиссер. Потому что он был театральный педагог. Потому что созданный им воспитательный коллектив был театр. Театр особый. Как и положено настоящему самодеятельному театральному коллективу, этот театр предоставлял возможность человеку искать себя в искусстве, проявлять, учивший дышать и жить искусством.

Мы сейчас задумываемся, что означал уход Матвея Григорьевича из профессионального театра в самодеятельность (ТЮТ получился же не сразу, сначала была просто самодеятельность). Что говорить, с талантливыми людьми такое происходит не часто. Однако он ушел из профессионального театра и не вернулся в него не случайно, а по какойто своей мудрой нравственной логике. Тут особая загадка. (Хотя, внешних обстоятельств конечно, ДЛЯ такого поворота Ho война, ранение). что интересно. Уйдя достаточно: ИЗ профессионального театра, лишившись важной, казалось необходимой специфической среды, выйдя их круга обсуждения театральных проблем (самодеятельность, что ни говорите, периферия искусства), Матвей Григорьевич тем не менее сумел непостижимым образом сохранить В себе свежесть ощущения «искусства», театра, профессии. Видимо, потому что у него были высокие критерии искусства, ему была чужда всеядность, у него было безукоризненное чувство содержательности, подлинности.

Так что уйдя из театра профессионального, он тем не менее, не ушел из Театра с большой буквы.

Он был прекрасным театральным педагогом. Занятия Матвея Григорьевича, его уроки и репетиции строились безукоризненно органично. Он обладал великолепным психологическим чутьем на творческое самочувствие актера. Помнится, однажды в ТЮТе сложилась кризисная обстановка. Это было перед началом репетиции

«Поезда дальнего следования». Все находились в каком-то мрачном недовольном самочувствии. Наступила случавшаяся у нас иногда полоса безверия. «Ничего у нас не получится», «Пьеса плохая», «Мы не профессионалы» и т.д. кто-то недоволен пьесой, кто-то собой, кто-то целым миром. И вот первая репетиция. Но Матвей Григорьевич о пьесе и не вспомнил: проговорил три часа про всякое. Про серьезное, про грустное, про смешное, про то, как мальчишками нашли они монету, думали, что золотая, задыхаясь от счастья пошли в Торгсин, и как оценщик, мельком оглянул ее в лупу, бросил на прилавок и сказал равнодушно, отчетливо: «Медная». Про то, как после голода в Поволжье (Матвей Григорьевич родом из Саратова) он первый раз пил молоко, и как от счастья и еще от чего-то трудно объяснимого словами у него брызнули слезы...

Кончились три часа. Все даже забыли про репетицию. Следующая встреча – и опять разговоры, рассказы, шутки, взрывы смеха... И только выходя их репетиционной комнаты после третьей встречи, Матвей Григорьевич сказал помощнику: «Вот теперь можно начинать репетировать».

Конечно, это относилось не только к репетициям. Он еще создавал атмосферу радости, свободы, раскрепощенности. Всей своей педагогической практикой он наглядно доказывал, что для того, чтобы люди что-то сделали, на что-то трудное поднялись, вдохновились, им должно быть хорошо. Они должны жить в атмосфере добра, доверия, дружбы, человеческого воодушевления.

Однако в разговорах с Советом Матвей Григорьевич НАОБОРОТ, часто подчеркивал и другое: люди объединяются на каком-то деле, нельзя абстрактно дружить, абстрактно радоваться друг другу. Для дружбы необходимо какое-то общее занятие. Два человека сказали друг другу: «Будем дружить» и ничего из этого не вышло. Два человека начали клеить спичечный коробок и стали друзьями. Этот спичечный коробок стал потом в тютовских разговорах символическим. Люди должны что-то сделать. Матвей Григорьевич не любил краснобайства. Он поддерживал деловитость, поддерживал пусть скромные, но конкретные проявления трудолюбия.

В Доме учителя зародилась традиция — проводить иногда вечера вопросов и ответов. За неделю-полторы до этого вешали на стенку почтовый ящик. И сыпались в него записки, на которые потом должен был отвечать Матвей Григорьевич. Были разные записки — серьезные, смешные, про театр, про искусство, про любовь, про дружбу. Иногда

наивные до курьезности — ведь среди авторов были и десяти и пятиклассники. Матвей Григорьевич и отвечал по-разному — на одни подробно, на другие коротко с юмором. Но вот записка, заставившая всех притихнуть: «Что такое любовь к Родине?» Вопрос сложный. Как ответит Матвей Григорьевич? К тому же вопрос возвышенный, а «ответчик» простой, не любит напыщенности. Матвей Григорьевич задумался, впрочем не надолго: ему пришел в голову ответ, который видимо его вполне устраивал. Он погладил рукой стоящий перед ним небольшой столик темного красного дерева. «У нас в Доме есть еще старинная мебель. Она осталась от юсуповских времен. Ее делали настоящие мастера. (Он с любованием оглядел столик). Но (рука нащупала несколько полос на крышке) к сожалению, (вздохнул) царапают, режут ножами, ковыряют эту мебель. (Помолчал несколько секунд). Не любят Родину».

Матвей Григорьевич вообще уважал очень труд столяров, плотников, резчиков, - всех умельцев, мастеров, людей с золотыми руками. Он восхищался результативностью их труда, осязаемой полезностью, осязаемой нужностью. Казалось бы, и от своих учеников он должен был бы требовать чего-то похожего: «Выполним наши планы на 100%», «Выпустим премьеру к такому-то дню». На самом деле все происходило несколько иначе. Такие боевые лозунги выбрасывал наш Совет. Что касается Матвея Григорьевича, он этому не препятствовал, но сам не очень приветствовал разговоры о результате. Он вдохновлял, он заражал, он увлеченно фантазировал о будущем, но он не любил зарекаться, намечать «рубежи», ориентироваться на числа и проценты. взрослеющие его ученики, иногда ворчали. Мы конкретности, мы хотели величественных планов, хотели спланировать достижения, хотели точного пути к идеалам. Наиболее горячие головы ставили вопрос ребром: какова наша конечная цель? Так и называли их потом – сторонники «конечной цели». Каково же было наше удивление, когда однажды Матвей Григорьевич охладил борцов за приближение идеала, сказав, что «конечной цели» вообще не существует... Есть работа, радость, дружба, движение вперед – а «конечная цель»? – не означает ли она конец всему этому? Мы тогда очень удивились. Он великолепное диалектическое равновесие поддерживал целеустремленностью своих учеников и их каждодневным полным радостным существованием. Мы думаем, что он-то для себя давно решил (или во всяком случае точно ощущал), что его «конечная цель» и состоит в нашем детском счастье.

(как впрочем и когда-то Матвею Могут сказать говорили Григорьевичу): «А не было ли это слишком мягкое, слишком идеалистическое воспитание? Ребята купаются в своем ТЮТе, а жизнь то сложнее, в жизни нужны борцы». Да, конечно, нельзя сказать, что воспитанники ТЮТа выходили в жизнь этакими счастливчиками, победителями, этакими хваткими покорителями судьбы... Нет, это не так. Многие из нас даже жаловались потом – мы, тютовцы, плохо подготовлены к жизни. Быть борцом в жизни оказывалось труднее, чем в своем идеальном добром ТЮТе. А некоторые так и оставались неудовлетворенными в жизни. Они почему-либо не стали актерами, но и не удовольствовались нетворческими профессиями. Многие и сейчас продолжают мучительно искать себя... Их ТЮТ поставил перед проблемами – так, что не такая уж безмятежная в конечном счете это организация... Неудачники? Ho не доказывает неудовлетворенность высокую духовную воспитанность человека, не означает ли эта неудовлетворенность что-то иное, нежели простую жизненную неудачу?

Мы взялись вдуматься в театральную сторону тютовского дела – вернемся все-таки к ней.

На тютовской самодеятельной сцене Матвей Григорьевич поставил ряд спектаклей, которые были не только профессионально организованы, но и по-настоящему свежи, экспрессивны, заразительны. В них юность героев и юность актеров, романтизм и тех и других оказались слиты воедино.

«Двадцать лет спустя»

«На улице Счастливой»

«Ее друзья»

«Снежная королева»

Спектакли эти рождали живое волнение у зрителей. Особенно памятны нам «Двадцать лет спустя». Пьеса эта и раньше не была в наших театрах заброшенной, но для 56-го года оказалась особенно угаданной. Впрочем, не случайно и сам ТЮТ родился в богатое рождениями время — 1956 год. (Именно тогда затевались новые дела, расцветали новые начинания в общественной, в молодежной жизни. И театральная жизнь тогда наливалась новыми соками: образовался «Современник». Обрел свежее дыхание нынешний БДТ).

«Двадцать лет спустя» - создание тонкое по атмосфере, в котором светловский романтизм и светловская грусть переплелись так естественно. Это был спектакль музыкальный, вибрирующий, а главное

(как сказали бы теперь критики) сыгранный коллективом с личностным, гражданским чувством. Этот спектакль, воспевающий уникальную эпоху гражданской войны, задевал не только зрителей – ребят, но брал за живое и видавших виды профессионалов – актеров, режиссеров, театроведов.

Были уроки, были репетиции, были спектакли...

И был ТЕАТР... Именно театр. Ибо было гудение зрительного зала за закрытом занавесом. Был зал зрителей, пришедших смотреть ТЮТ. Были приближающие торжественность театральной встречи – первый, второй, третий звонки... Шел занавес. И театр брал зрителя в плен, и не содержанием пьес, музыки, машинерии, ритма самодеятельному уверенно и властно. Тут, очевидно, и срабатывало психологическое тютовское правило: каждый и артист и мастеровой, артист плюс столяр, артист плюс осветитель, артист плюс радист. Поэтому тютовские актеры действительно любили кулисы, что так Действительно ощущения театра. важно ДЛЯ полноты декорации не только с наружной, но и с тыльной стороны, как этого добивался К. С. Станиславский, действительно любили и ценили театральные костюмы, чувствовали, любили, даже романтизировали театральный прожектор.

Поэтому среди знаменитых тютовских песен (десятки и даже сотни песен выплеснул ТЮТ свое звонкое мироощущение), об этих песнях стоит писать особо... так вот среди этих песен были и единственные в своем роде гимны театральному материалу, театральной технике, театральным вещам.

«Осветительское сердце молодое

В полнакала не горело никогда».

Или полушуточное:

«Много на свете актеров,

И режиссеров не счесть,

Но во всем им без нас бутафоров

Просто не встать и не сесть...»

Как много Матвей Григорьевич закладывает в своих учеников — будущих профессионалов. Разумеется, не обучая, не уча никого в прямую, не требуя быстрого результата (а уж тем более благодарности, о которой так болезненно думают иные педагоги). Он просто излучал добрую, умную энергию, и она не пропадала впустую.

Мы любили свой театр, но, наверное, еще больше любили свою мечту о театре, эту свою сказку. Верили, что он требует мобилизации

всех лучших духовных возможностей человека. Потом, занявшись другим, выбирали дела, которые требовали не меньшего, потому что иначе было скучно. А если дела такого не находилось, романтизировали то, чем занимались. А если не получалось это – мучались, искали. Среди учеников много неудовлетворенных людей. Многие не считают себя счастливыми. Не потому что внешние обстоятельства не сложились, а потому что детством, юностью, задан высокий отсчет. А, может быть, человек должен уметь быть и несчастливым, если он уважает это огромное понятие – СЧАСТЬЕ. Можно презирать неудовлетворенность, считать ее чем-то сродни пессимизму, а можно и ценить ее, видя здесь залог святого, беспокойное желание человека, осуществить себя.

Матвей Григорьевич ввел, «влучил» в нас будущих актеров и режиссеров важнейшие понятия, важнейшие навыки. По существу он заложил в нас фундамент ощущения театра. Интересно, что он не употреблял театральных терминов. Ни одного. Много рассказывая нам о Станиславском, он, в годы, когда важным считалось знать букву системы, а не ее дух, ни одного термина в работе с нами не употреблял. Более того, говорил всегда: «Термин убивает душу понимания. Без термина - свежее». Потом у нас были великолепные педагоги и учителя. Были Зон, Сойникова, Суслович, Сирота, Акимов, Корогодский — блестящие мастера театрального обучения. Вокруг работали и тоже таким образом учили — Товстоногов, Эфрос. Грех жаловаться. Потом было оснащение — педагогическое, технологическое, профессиональное. И все-таки, встречаясь, мы признавались друг другу: главное мы взяли у Матвея Григорьевича.

Чувство театра,

Любовь к эмоциональной правде,

Цена сценической минуты,

Чувство драматического напряжения,

Ощущение сценического ритма.

Если мы всем этим владеем в какой-то мере, то прежде всего благодаря Матвею Григорьевичу.

Он учил нас одновременно поклоняться двум богам: правде и форме.

Театральный формализм он не любил, от театральной пустоты скучал, но и театральное бесформие презирал.

Из ТЮТа у учеников Матвея Григорьевича любовь к театральному прожектору, к кулисе, к сценическому полу, к темной оркестровой яме. Он любил это – отсюда и возник коллектив плотников и артистов.

И все же главное – САМОЕ ГЛАВНОЕ В ДРУГОМ.

И тут хотелось бы, соблюдая всю необходимую скромность и уважение к системе нашего воспитания — театрального и общего, сказать вот о чем. Основные гены, которые должен унаследовать человек искусства, в какую бы эпоху он не работал — в эпоху Классицизма ли, Реализма, Модернизма и т.д., что бы ни было модно в данный момент в театре — основные гены — это гены нравственного отношения к искусству. Это не ново, это известно, но ввиду острой необходимости нравственности в искусстве, ввиду всегдашней нехватки этого «вещества», истина эта, увы, остается свежей.

Мы думаем, что все многочисленные конференции, дискуссии и призывы к воспитанию молодых в искусстве имеют внутренним двигателем вопрос о воспитании в художнике высокой нравственности.

Матвей Григорьевич, являясь сам кристальным человеком искусства, преподносил нам в разных видах одну простую истину: «Искусство — живое, веселое, но и нешуточное; радостное, но и серьезное дело. Искусство нужно зрителям. Зритель жаждет нашей искренности».

Он утверждал также высокий и человечный коллективизм в искусстве, он оберегал чувство дружбы. Он создавал в своих учениках большое человеческое тяготение друг к другу. Он создавал это тяготение, подметив протест всякого живого человека против некоммуникабельности, что он сформулировал грустно и просто:

«Никто не хочет оставаться один».

Мы благодарны своему детству, своей юности, своему театральному детству, своей театральной юности. Нам повезло! У нас был МАТВЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ДУБРОВИН!

Экзюпери писал с сожалением: «Когда в саду после долгих поисков выведут, наконец, новую розу, все садовники приходят в волнение. Розу отделяют от других, о ней заботятся, холят ее и лелеют. Но люди растут без садовника...»

Матвей Григорьевич был тем редким садовником, что растил людей. Он верил в человеческой цветение и ждал расцвета от каждого человека. Чем измерить такую работу.

Сегодня так много говорят о социологическом подходе, о точности критериев, и прочее, и прочее. Работа любой организации определяется показателями. Количество выпущенных станков, написанных научных трудов и т.д. И педагогическим учреждениям никуда не уйти от этого. Уровень успеваемости в школе, количество проведенных мероприятий в

клубе, есть система показателей и в детском саду. О пользе и вреде такого подхода сейчас много спорят. Решения еще не видят. ТЮТ показателями казалось бы, не выделялся. (Попробуй и определи показатели, если он театр и не театр, клуб и не клуб, мастерская и не мастерская). Организация без показателей. Спектаклей у других коллективов было больше и, может быть, они были лучше. Актеров и режиссеров воспитано не так уж много, да к этому и не стремились. Столяров и электриков гораздо лучше готовят в ПТУ. Чем же измерить дело Матвея Григорьевича? Количеством брошенного в атмосферу земли тепла? «Главное, - пишет тот же Экзюпери, - ГЛАВНОЕ ЧАЩЕ ВСЕГО НЕВЕСОМО».

Тысячи людей, детьми и юношами прошедшие через его руки, работают в разных местах и, когда они добиваются делового успеха или просто хорошего человеческого уважения в своем деле, когда они увеличивают показатели страны, хвалят школы, институты, родителей, и не всегда знают, что у истоков стоял «ТЮТ без показателей», стоял скромный и удивительно уверенный в себе человек, имевший мужество так разбрасывать и раздаривать человеческое тепло. Человек, творивший дело огромной государственной важности, ибо государство живо духовным горением каждого своего сына.

1974